

[Иларион (Троицкий), архим.] Из академической жизни.
Пострижение в монашество студента Московской Духовной
Академии Гладкова и речь новому иноку Панкратию // Богословский
вестник 1916. Т. 2. № 7/8. С. 587–590 (1-я пагин.).

Изъ академической жизни.

Постриженіе въ монашество.

7-го іюля въ академическомъ храмѣ за всеобщимъ бдѣніемъ постриженъ въ монашество студентъ 3-го курса Академіи Василій Васильевичъ Гладковъ. По первоначальному своему образованію Гладковъ—реалистъ: онъ окончилъ курсъ реальнаго училища въ г. Арзамасѣ, послѣ чего выдержалъ гимназическій экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Но ни въ реальномъ, ни въ гуманитарномъ знаніи юноша не находилъ себѣ удовлетворенія; его влекла къ себѣ наука богословская, духовная, и онъ поступилъ на два года въ нижегородскую духовную семинарію, въ которой получилъ званіе студента семинаріи, а въ 1914 году—въ Академію.

Постриженіе совершалъ инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ. Новый инокъ нареченъ Панкратіемъ. По окончаніи всеобщаго бдѣнія архим. Иларіонъ вручилъ новаго инока для духовнаго руководства доценту Академіи іеромонаху Варѣоломею и привѣтствовалъ его слѣдующей рѣчью.

Рѣчь архимандрита Иларіона.

Возлюбленный о Господь братъ,

инокъ Панкратій!

Отъ всей души привѣтствую тебя со вступленіемъ въ ликъ инокоующихъ. Твое давнишнее желаніе нынѣ исполнилось. Радуйся! И паки реку: радуйся! Окружающій тебя сейчасъ ликъ иноческій, конечно, не смутится отъ моего привѣтствія. Церковное пѣснопѣніе въ чинѣ постриженія увѣряетъ насъ, что нынѣ тайное и у горячихъ совершается веселіе. Радуемся

и мы, земнородные. И не потому только, что растроганы сейчасъ мы умилительнѣйшимъ священнодѣйствіемъ постриженія. Нѣтъ, каждый изъ монаховъ по собственному опыту знаетъ, что не напрасно онъ при постриженіи облекся во одежду веселія и радости духовныя, во отложеніе и поправленіе всѣхъ печалей и смущеній отъ бѣсовъ, отъ плоти и отъ міра находящихъ.

Людымъ, далекимъ отъ жизни монашеской и совсѣмъ этой жизни не понимающимъ, монашество кажется чѣмъ-то мрачнымъ и ужаснымъ, какимъ-то неужнымъ самоубійствомъ, преждевременнымъ погребеніемъ. Такие люди,—если бы они только были здѣсь,—съ недоумѣніемъ покивая главою, подумали-бы, услыхавъ мое тебѣ привѣтствіе: „человѣкъ отрекся отъ міра со всѣми его радостями, облекли его въ черныя одежды и говорятъ ему о какой-то радости!“

Да, братъ, міръ Божій полонъ красоты и радости. Какъ много говорятъ своимъ величественнымъ безмолвіемъ яркія звѣзды въ темную ночь! Смотри, какъ прекрасны горы и моря! Какъ солнце землю ласкаетъ лобзаньями своихъ свѣтлыхъ и теплыхъ лучей! Какъ земля убирается навстрѣчу этой солнечной ласкѣ великолѣпіемъ благоухающихъ цвѣтовъ! Славный царь Соломонъ не могъ создать себѣ такихъ роскошныхъ одеждъ, какія безъ труда и заботъ имѣетъ каждый цвѣтокъ полевой.

Но развѣ отъ этого прекраснаго Божьяго міра, проповѣдующаго о славѣ своего Творца, я предлагалъ тебѣ отречься? Ни Христось, ни христіанство, ни Церковь, ни монашество прекраснаго Божьяго міра не хулили, не отвергали, не почитали за зло. Смотри,—самые храмы для нашихъ богослужебныхъ собраній мы украшаемъ священными изображеніями, въ нихъ мы воскуряемъ благовонный оуміамъ, иногда приходимъ сюда съ цвѣтами. Давно замѣчено, что обители иноческія стоятъ въ красивѣйшихъ мѣстностяхъ и даже славятся своимъ мѣстоположеніемъ.

Да и какъ могъ бы человѣкъ отречься отъ міра, какъ творенія Божія? Какъ можно уйти отъ міра, если мы живемъ на землѣ? Для этого нужно было бы лечь во гробъ, прикрыться крышкой и попросить закопать себя въ могилу.

Наши духоносные наставники, преподобные подвижники, когда говорятъ объ отреченіи отъ міра, — не этотъ прекрас-

ный Божій міръ разумѣють. Міромъ они называютъ страсти. „Когда вообще хотимъ наименовать страсти, называемъ ихъ міромъ“ (Исаакъ Сир. Слово 2-е).

Ты отрекся отъ страстей. Что же? Лишилъ ли тѣмъ себя ты радости? Но что такое страсть? Радость она или печаль? Счастіе или бѣдствие? Страсть есть именно *страсть*, страданіе міра. Страсть это — ржавчина, разъѣдающая разумную тварь. Страстное отношеніе къ міру совсѣмъ теряетъ міръ какъ прекрасное Божіе твореніе. Вѣдь кто не знаетъ, что люди, преданные страстямъ, часто совсѣмъ не видятъ и не замѣчаютъ красоты Божьяго міра? Прекрасный Божій міръ несравненно больше любятъ подвижники, отрекшіеся отъ міра страстей. А служитель страсти лишь оскорбляетъ Божіе твореніе. Міръ, полный красоты и радости, полонъ для него грѣха и соблазна.

Послѣ грѣхопаденія міръ сталъ ареною борьбы. Добро въ немъ борется со зломъ. Свѣтлые ангелы воюютъ съ мрачными демонами. Даже неразумная тварь, видя эту борьбу и временную побѣду суеты, болѣзненно воздыхаетъ. А тварь разумная стоитъ въ самой срединѣ сражающихся. Вокругъ человѣка и изъ за человѣка идетъ особенно упорная борьба между добромъ и зломъ.

Нельзя жить и спастись, нельзя быть христіаниномъ, не подвизаясь въ этой борьбѣ. Отреченіе отъ міра страстей и борьба со грѣхомъ это — необходимое условіе всякой вообще христіанской жизни. Гдѣ нѣтъ отреченія отъ міра, гдѣ дана полная власть и свобода страстямъ, тамъ нѣтъ жизни христіанской. Монахи отъ всѣхъ христіанъ можетъ быть только тѣмъ и отличаются, что они громко и открыто исповѣдуютъ немощь своего естества. Монахи какъ бы такъ говорятъ: „да, мы слабы и грѣшны, намъ трудно бороться противъ грѣха и страстей, но мы знаемъ, что безъ побѣды надъ этими врагами нѣтъ жизни, нѣтъ спасенія, нѣтъ мира и радости; потому-то мы и связываемъ себя обѣтами, какъ-бы воинской клятвой, ограждаемъ себя высокими монастырскими стѣнами“. Это откровенное исповѣданіе ставитъ монаховъ въ первыхъ рядахъ воинства Христова, ополчающагося противъ демонскаго міра страстей.

Тебя, возлюбленный братъ, не взялъ въ свое воинство царь земной, но тебя принялъ нынѣ въ свое воинство Царь

Небесный, который чрезъ мое недостойнство одѣлъ тебя во всѣ оружія, „во еже мощи тебѣ побѣдѣти всю силу и брани началъ и властей и міродержителей тьмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ“. Не думай, что ты уже сразу вознесся надъ міромъ. Оружія не раздаютъ воинамъ, когда не предвидится брани. Потому-то и вручены тебѣ оружія, что тебѣ, какъ и всякому христіанину, предстоитъ невидимая брань съ врагами нашего спасенія. Ты сталъ монахомъ, но ты остался человѣкомъ, человѣкомъ со всѣми его немощами и недостатками. Какъ и всѣ, монахъ подверженъ искушенію страстей. О, если-бы достаточно было только отречься отъ міра, чтобы грѣхи и страсти оставили монаха въ покоѣ! Но нѣтъ, не таковъ законъ духовной жизни. Свобода отъ страстей далеко и къ ней нужно идти тяжелымъ путемъ постояннаго бодрствованія надъ собой, путемъ неустанной борьбы съ грѣховными помыслами и намѣреніями, путемъ очищенія сердца своего отъ грѣховныхъ и страстныхъ на-выковъ. На этомъ пути, ведущемъ къ вождѣленной свободѣ отъ страстей, ты уже стоялъ, какъ носящій имя Христова отъ рожденія. Нынѣ ты лишь укрѣпляешься на этомъ пути, чтобы идти по нему неуклонно. И совершенное надъ тобой священнодѣйствіе, и произнесенные тобою обѣты, и даже самыя эти одежды иноческія — все это будетъ, несомнѣнно, тебѣ помогать, какъ тысячамъ монаховъ помогало и до тебя.

Итакъ, иди теперь бодрѣе и смѣлѣе по пути, ведущему къ свободѣ отъ страстей. Но если страсть есть страданіе міра, если она — ржавчина міра, то не ясно-ли, что путь борьбы со страстями есть путь очищенія міра, освобожденія его отъ рабства суетѣ? Не ясно-ли, что путь христіанина и особенно монаха есть путь, ведущій къ радости? Кто пошелъ по этому пути, тотъ пошелъ къ радости. Скорби неизбѣжны и на этомъ пути, но онѣ поднимаются здѣсь ради будущаго утѣшенія. Потому и привѣтствовалъ я тебя словомъ: радуйся! Борись со грѣхомъ и страстями и достигай радости вѣчной! Когда на томъ пути, на которомъ ты нынѣ укрѣпляешься, ты достаточно пострадаешь въ борьбѣ со страстями, тогда радуйся, по слову Господню, потому что награда твоя многа есть на небесахъ!
